

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА «СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Владимир НОВИКОВ

Хозяйка Красного Рога или SOFIA II

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ МОСКВА

Вест-Консалтинг 2009

В. И. Новиков. Хозяйка Красного Рога или Sofia II

М.: Вест-Консалтинг, 2009. - 50 с.

В. Новиков окончил филологический факультет МГУ. Кандидат филологических наук. Из главных книг можно назвать: «Вчитайтесь в «Песнь о Гайавате» (1982), «Русский Парнас» (1986), «Большие Вяземы» (1988), «Остафьево. Литературные судьбы девятнадцатого века» (1991), «Масонство и русская культура» (1998), «Усадьба Вязёмы и окрестности» (2008), «Под сенью Русского Парнаса» (2009). Автор около 100 статей по различным проблемам культуры. Постоянный автор альманахов Союза литераторов России «Вектор творчества» (2006), «Словесность» (2007, 2008), газеты «МОЛ» (2001-2009), краеведческих изданий. Государственный стипендиат в номинации «Выдающиеся деятели культуры и искусства России». В серии «Визитная карточка литератора» предлагаем вниманию читателей интереснейшее исследование Владимира Новикова о С. А. Толстой (в девичестве Бахметьевой). В 1863 г. Софья Андреевна была обвенчана с А. К. Толстым, поэтом, прозаиком, драматургом, автором романа «Князь Серебряный», пьесы «Царь Фёдор Иоаннович», создателем, совместно с братьями Жемчужниковыми, образа Козьмы Пруткова. В число близких знакомых С. А. Толстой входили Ф. Достоевский, И. Тургенев, Вл. Соловьёв. А. Фет посвятил ей, хозяйке Красного Рога, такие строчки: «Но знаю, в воздухе нагретом,/ Вот здесь со мной,/ Цветы задышат прежним летом/ И резедой». А муж, Алексей Толстой, – прекрасные стихи, ставшие романсом: «Средь шумного бала, случайно,/ В тревоге мирской суеты, / Тебя я увидел, но тайна/ Твои покрывала черты»...

IS	₽.	N	I
	D.	ı١	4

Заказное издание Книга выпущена в авторской редакции

- © В. И. Новиков, книга-исследование, 2009
- © Союз литераторов России, идея издания, составление, предисловие, 2009
- © Вест-Консалтинг, оригинал-макет, вёрстка, 2009

ХОЗЯЙКА КРАСНОГО РОГА или Sofia II

Портрет С. А. Толстой-Миллер

Русская литература XIX века знала двух Толстых. Но история, подчас, любит шутки, и история литературы не исключение. Совпадение пошло и дальше; их жены носили одинаковые имена, и, следовательно, в России одновременно были две графини Софьи Андреевны Толстые, каждая из которых оставила свой ощутимый след в сознании соотечественников; без

них панорама литературного мира той эпохи была бы неполной. Но жизнь первой (жены Льва Николаевича Толстого) можно проследить почти день за днем. О второй этого не скажешь.

Красный Рог. Достаточно сказать: здесь жил Алексей Константинович Толстой. Погуляв по старому парку, побродив по комнатам восстановленного «охотничьего замка» последнего гетмана Украины К. Г. Разумовского, осмотрев обстановку флигеля поэта (там создавались «Князь Серебряный», «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович») — единственной сохранившейся в неприкосновенности мемориальной постройки, — обязательно идешь на окраину села к церкви поклониться его праху. Сама церковь — деревянная, «елизаветинских времен». Близ нее приземистое строение — склеп, в котором рядом с гробом владельца усадьбы стоит гроб его жены графини Софьи Андреевны Толстой. Невольно вспоминаешь строки:

Средь шумного бала, случайно, В тревоге мирской суеты, Тебя я увидел, но тайна Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели, А голос так дивно звучал. Как звон отдаленной свирели, Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий И весь твой задумчивый вид, А смех твой, и грустный и звонкий, С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи Люблю я, усталый, прилечь – Я вижу печальные очи, Я слышу веселую речь;

И грустно я так засыпаю, И в грезах неведомых сплю... Люблю ли тебя – я не знаю, Но кажется мне, что люблю!

Своей будущей жене А. К. Толстой посвятил одно из самых знаменитых стихотворений в антологии русской лирики. На его текст написано несколько романсов, благодаря чему эти пять строф стали фактом отечественной культуры.

У каждого дома должны быть не только хозяин, но и хозяйка. Только тогда дом полон, только тогда горит семейный очаг, на гостеприимный, приветливый огонек которого собираются друзья, полные одних и тех же дум. Вековое, святое предназначение хозяйки дома — быть хранительницей этого очага.

Писать биографию женщины, хотя и находившейся всю жизнь на виду у выдающихся современников, наделенных могучим даром слова, но, тем не менее, не оставившей ни собственных мемуаров, ни даже писем и других материалов, неимоверно трудно. Подчас, сведения выуживаются по крупицам; поэтому, что касается молодости нашей героини, то приходится довольствоваться скороговоркой. Ее девичья фамилия – Бахметьева. Она родилась в 1825 году. Отец рано умер, оставив семью с ограниченными средствами. В детстве маленькая Софи отличалась незаурядной одаренностью. Писательница Е. Ю. Хвощинская вспоминает, что она «была некрасива, но сложена превосходно, и все движения ее были до такой степени мягки, женственны, а голос ее был так симпатичен и музыкален». Не по годам развитая, она, буквально во всем опережала своих сверстников. Но одновременно в деревенской глуши девочка росла настоящим сорванцом, ездила верхом по-мужски, страстно любила охоту. Окрестным помещикам она запомнилась носящейся во весь опор по полям с нагайкой в руках и ружьем за

12.08.2009 1:43:35

плечами. Интересно семейное предание, о котором повествует ее племянница С. II. Хитрово: «Когда ей было пять лет, бабушка возила всех своих детей в Саровскую пустынь на благословение к отцу Серафиму, и когда он их всех перекрестил и благословил, то перед младенцем Софией он опустился на колени и поцеловал ей ножки, предсказывая ей удивительную будущность». Сбылось ли предсказание святого угодника, читателю самому предстоит сделать вывод в конце этого очерка. Но сначала судьба вряд ли была благосклонна к ней.

Гнездо Бахметьевых – Смальково в Пензенской губернии. Семья была большая, у Софи было несколько братьев и сестер. Представители мужской половины по стародворянской традиции шли, как правило, по военной линии. Братья служили в привилегированном лейб-гвардии Преображенском полку. Любителям российской словесности небезынтересно вспомнить, что юношеская любовь Лермонтова Варенька Лопухина вышла замуж за одного из родственников нашей героини; она также стала Бахметьевой. Как видно – мир всегда был тесен. Но об этом несколько позже.

Трудно восстановить события столь далекой поры. До нас дошли только глухие отзвуки семейной трагедии. Впрочем, и современники мало что знали: Бахметьевы хранили свои тайны за непроницаемыми стенами. Сама Софья Андреевна также всю жизнь молчала, словно выбросив из памяти ужасные воспоминания. Достоверно можно сказать только следующее. На обаятельную, остроумную девушку, прекрасную музыкантшу и певицу (у нее было редкое по красоте контральто) обратил внимание один из приятелей брата, также преображенец, князь Григорий Вяземский. Софи ответила ему взаимностью; злые языки говорили, что молодые люди были в связи. Молодой офицер мечтал о карьере музыканта и пытался писать музыку. Ему казалось, что он обрел родствен-

ную душу. Была объявлена помолвка. Но родители Вяземского были категорически против его брака с заведомой бесприданницей. Они надеялись, что он, благодаря выгодной женитьбе, поправит их собственное незавидное семейное положение. Богатая невеста уже была налицо. Вяземский пытался взбунтоваться, но вскоре подчинился родительской воле, променяв музыку на презренный металл. Брат Софи Юрий вступился за честь сестры. По пути на Кавказ он специально заехал в Москву, чтобы вызвать бывшего приятеля на дуэль. Поединок состоялся в Петровском парке, и Вяземский убил его. В Смалькове ничего не знали, и произошедшее явилось громом с ясного неба. Вся семья облачилась в траур. Хотя, вероятно, не было произнесено ни слова, но Софи ловила на себе косые взгляды, красноречиво свидетельствующие о том, что именно ее считают виновницей гибели юноши. Постепенно атмосфера стала невыносимой, и тогда Софи, чтобы разрядить обстановку, поспешно вышла замуж за страстно влюбленного в нее конногвардейского ротмистра Льва Федоровича Миллера. Современникам, прежде всего, бросались в глаза его роскошные пшеничные усы. Однако, он был человеком не без достоинств. Внешне, брак выглядел даже более выгодным, чем союз с Вяземским. Отец жениха был генералом, московским полицмейстером; мать – родная сестра матери поэта Ф. И. Тютчева. Сам Миллер писал стихи; некоторые романсы на его слова дожили до наших дней. Но Софи уже была внутренне надломлена. Как и следовало ожидать, супружество оказалось несчастливым. Они вскоре по обоюдному согласию расстались и зажили самостоятельно.

Опять приходится пропустить несколько лет из жизни молодой женщины. О них сказать нечего. Переломным моментом в ее судьбе стал январский вечер 1851 года. На бале-маскараде в Петербургском Большом театре произошла ее первая встре-

ча с А. К. Толстым. Поэт по долгу службы (он был в штате П-го отделения собственной Его Величества канцелярии) сопровождал на празднество Наследника. Его внимание привлекла высокая стройная пышноволосая незнакомка, прекрасно владеющая искусством вести интригу. Ома умело уклонилась от настойчивых просьб снять маску, но взяла визитную карточку А. К. Толстого, пообещав в ближайшее время дать о себе знать. Действительно, через несколько дней он получил приглашение посетить таинственную даму.

По-видимому, на этом бале-маскараде присутствовал также и Тургенев. Сын Льва Николаевича Толстого Сергей Львович вспоминает: «...он (Тургенев – В. Н.) рассказывал, как на маскараде вместе с поэтом А. К. Толстым он встретил грациозную и интересную маску, которая с ними умно разговаривала. Они настаивали на том, чтобы она тогда же сняла маску, но она открылась им лишь через несколько дней, пригласив их к себе.

– Что же я тогда увидел? – говорил Тургенев, – лицо чухонского солдата в юбке.>>

Сергей Львович, знакомый с героиней этого эпизода, уверяет, что Тургенев преувеличивает. Действительно, Софью Андреевну Миллер нельзя было назвать красавицей. Как можно судить но фотографиям, у нее нечеткие черты лица, слишком широкие скулы, мужской волевой подбородок, высокий лоб слишком много думающего человека. По первоначальное неблагоприятное впечатление быстро забывалось. Она была удивительно женственна, и через несколько минут обвороженный собеседник видел только ее серые, искрящиеся умом глаза. Вот отзыв мемуаристки: «Пела она, действительно, как ангел, и я понимаю, что, прослушав ее несколько вечеров, можно было бы без ума влюбиться в нее, и не только графскую, а царскую корону надеть на ее бойкую головку». Возможно, Тургенев старался забыть, что

он также пал жертвой этой Цирцеи; известно, что он долгое время посылал ей одной из первых свои новые произведения и настойчиво требовал суда. Однако, их отношения так и не сложились, о чем писатель искренне жалел. На пороге старости он писал ей: «...Из числа счастливых случаев, которых я десятками выпускал из своих рук, особенно мне памятен тот, который свел меня с вами и которым я так дурно воспользовался... Мы так странно сошлись и разошлись, что едва ли имели какое-нибудь понятие друг о друге, но мне кажется, что вы действительно должны быть очень добры, что у вас много вкуса и грации...» Опять все глухо и неясно; и для различного рода предположений открывается слишком широкое поле. Кто знает – не был ли Тургенев некоторое время несчастливым соперником А. К. Толстого? Впрочем, если это и так, то увлечение было всего лишь мимолетным.

Другой претендент на союз с С.А.Миллер писатель Григорович вспоминает, что, приехав в Петербург, он нашел ее больной, лежащей на диване. У ее ног сидел А. К. Толстой, страстно влюбленный. Григорович решил не мешать и удалился.

К январскому вечеру, перевернувшему всю его жизнь, А. К. Толстой был внутренне готов. Он ощущал, что стоит у роковой черты. Ему, принадлежавшему по рождению к верхам русской аристократии, была предуготовлена блестящая придворная карьера. В ребячестве он был товарищем детских игр наследника престола, будущего Александра II. Но с годами А. К. Толстой все острее чувствовал, что он — чуждый элемент в дворцовых залах; его подлинное призвание — искусство. Между тем, молодой поэт был крепко привязан к службе, каждодневные обязанности не давали ему возможности сосредоточиться на главном в жизни: стихи выливались только время от времени, исторический роман из эпохи Ивана Грозного (в конце концов, получивший название «Князь Серебряный»)

не двигался дальше первых набросков. Нахлынувшая на него любовь к женщине, готовой понять его творческие потребности и связать с ним свою судьбу, явилась как бы очищением. А. К. Толстой писал;

Меня, во мраке и в пыли Досель влачившего оковы, Любови крылья вознесли В отчизну пламени и слова. И просветлел мой темный взор, И стал мне виден мир незримый, И слышит ухо с этих пор, Что для других неуловимо.

И с горней выси я сошел, Проникнут весь ее лучами, И на волнующийся дол Взираю новыми очами. И слышу я, как разговор Везде немолчный раздается, Как сердце каменное гор С любовью в темных недрах бьется, С любовью в тверди голубой Клубятся медленные тучи, И под древесною корой Весною свежей и пахучей. С любовью в листья сок живой Струей подъемлется певучей. И вещим сердцем понял я, Что все рожденное от Слова, Лучи любви кругом лия, К нему вернуться жаждет снова; И жизни каждая струя, Любви покорная закону, Стремится силой бытия Неудержимо к Божью лону; И всюду звук, и всюду свет, И всем мирам одно начало. И ничего в природе нет, Что бы любовью не дышало.

Новиков indd.indd 10

Кривой Рог, дом

В своей возлюбленной поэт нашел родственную душу. Эстетический вкус Софьи Андреевны Миллер был безупречен. А. К. Толстой сразу же возвел ее на пьедестал верховного судьи своих творений - и никогда в этом не раскаивался. Подчас он позволял себе подвергнуть ее легкому испытанию. Так, в период своего увлечения поэзией Андре Шенье он писал ей: «...Я тебе посылаю несколько стихотворений в переводе и не скажу тебе, кто автор оригиналов... Мне хочется увидеть, догадаешься ли ты? Никогда я не чувствовал такую легкость писать...» (25 ноября 1856 года). Софья Андреевна привлекала и необыкновенной одаренностью, свободно владея, по одной версии – 14 языками, по другой – 16 (в том числе, санскритом). Известен случай (правда, это было уже в 1870-х годах), когда в одном немецком доме по просьбе хозяев. Софья Андреевна прямо «с листа» перевела по-немецки «Старосветских помещиков» Гоголя.

В начальную пору их любви А. К. Толстой каждый день посылал Софье Андреевне длинные испове-

11

дальные письма. Правда, они дошли до нас с купюрами. Софья Андреевна, наученная горьким жизненным опытом, вычеркивала каждую фразу, любое выражение, которые могли бы ей показаться неудобными для публикации; подчас, когда находила нужным, безжалостно резала письма и даже сжигала их. По-видимому, оснований у нее было больше, чем достаточно, так как поэт раскрывал перед возлюбленной все тайны своей души. Вот несколько характерных отрывков: «...Я родился художником, но все обстоятельства и вся моя жизнь до сих пор противилась тому, чтобы я сделался вполне художником...»; «...Но как работать для искусства, когда слышишь со всех сторон слова: служба, чин, вицмундир, начальство и тому подобное?»; «...У меня столько противоречивых особенностей, которые приходят в столкновение, столько желаний, столько потребностей сердца, которые я силюсь примирить, но стоит только слегка прикоснуться, как все это приходит в движение, вступает в борьбу; от тебя я жду гармонии и примирения всех этих потребностей. Чувствую, что никто, кроме тебя, не может меня исцелить, ибо все мое существо растерзано...». Неизвестно, что Софья Андреевна отвечала поэту. Свои письма она уничтожила. Вообще, создается впечатление, что она всячески избегала «бесед с бумагой»; и это удивительно: ведь в ту эпистолярную эпоху писем писали очень много и их бережно хранили. Кроме того, многие считали своим долгом вести дневники. Она же никогда не стремилась прибегнуть к перу.

Осенью А. К. Толстой не выдержал первой разлуки и помчался вслед за Софьей Андреевной в Смальково. Здесь он открыл для себя другие ее качества еще более их сблизившие. Как уже сказано, Софья Андреевна была неутомимой наездницей. Они много часов проводили в седле, галопом носясь по окрестным полям и перелескам. Вернувшись в Петербург, А. К. Толстой, вновь вынужденный погрузиться в столичную суету,

писал ей: «...Я приехал с бала-маскарада, где был не по своей охоте, а... ради Великого Князя... Если это будет часто повторяться, я только еще сильнее стану жалеть о жизни в Смалькове, для которой я, в сущности, как будто и создан...».

Любовь поэта безоблачной не бывает. Порой А. К. Толстой мучительно ревновал Софью Андреевну к ее прошлому; были минуты, когда ему казалось, что «случайно сошлись мы в мирской суете, и в ней разойдемся случайно». Но эти настроения были скоропреходяще, чему можно найти поэтические свидетельства:

Слушая повесть твою, полюбил я тебя, моя радость!

Жизнью твоею я жил и слезами твоими я плакал;

Мысленно вместе с тобой прострадал я минувшие годы,

Все перечувствовал вместе с тобой, и печаль и надежды,

Многое больно мне было, во многом тебя упрекнул я;

Но позабыть не хочу ни ошибок твоих, ни страданий;

Дороги мне твои слезы и дорого каждое слово!

Бедное вижу в тебе я дитя, без отца, без опоры:

Рано познала ты горе, обман и людское злословье,

Рано под тяжестью бед твои преломилися силы!

13

Бедное ты деревцо, поникшее долу головкой!

Ты прислонися ко мне, деревцо, к зеленому вязу:

Ты прислонися ко мне, я стою надежно и прочно!

Уже зрелые люди, они пронесли свою любовь через множество испытаний. Внешние обстоятельства были неблагоприятными. Бракоразводный процесс Софьи Андреевны с мужем затягивался на неопределенное время. Родные поэта не раз предпринимали попытки разлучить их. Его мать устраивала сыну скандалы, обвиняя его в связи с женщиной сомнительной репутации. Впрочем, надо сказать, что и Софья Андреевна не искала сближения с родственниками А. К. Толстого. Она предпочитала позицию гордой независимости. Действительно, вряд ли у нее могло быть что-нибудь общее с матерью поэта, ставшей притчей во языцах петербургского светского общества; она намеренно покупала материю и туалеты в тех же магазинах, что и Императрица. Однажды она даже осмелилась явиться на придворное празднество в такой же шляпе с пером, что и супруга Николая I. Император изволил передать ей свое неудовольствие. Ведь в Петербурге не разрешалось строить зданий выше Зимнего дворца. Сколь же нелепым должно было казаться соперничество с первой дамой империи!

В 1850-е годы А. К. Толстой — прежде всего, лирический поэт. Его стихотворения представляют собой как бы страницы дневника, рассказывающего о взаимоотношениях с Софьей Андреевной Миллер. По этому дневнику можно проследить за всеми перипетиями любви поэта — от первых дней мучительной неуверенности до окончательного осознания того, что наконец-то его жизнь вошла в единственно нужное русло.

Минула страсть, и пыл ее тревожный Уже не мучит сердца моего,

Но разлюбить тебя мне невозможно, Все, что не ты, – так суетно и ложно, Все, что не ты, – уныло и мертво.

Постепенно лирический накал в творчестве А. К. Толстого спадает; он обращается к эпическим жанрам – балладе, поэме, исторической драме.

Тревожная эпопея Крымской войны не могла не отразиться на судьбе каждого русского. А. К. Толстой был охвачен патриотическим порывом. Сначала он лелеял дерзкий, но трудноосуществимый план купить в складчину клиппер для того, чтобы вести партизанские боевые действия против английской эскадры, угрожавшей Петербургу. Но опасность для столицы империи быстро миновала, и А. К. Толстой принял решение идти в армию. 25 марта 1855 года он был зачислен в стрелковый полк Императорской фамилии, произведен в майоры и назначен ротным командиром. После летних лагерных учений в декабре он оказался в Одессе. Однако, его боевая карьера стала недолговечной. В феврале следующего года он заболел тифом. Болезнь протекала тяжело. Поэт встал на ноги только благодаря самоотверженным заботам Софьи Андреевны, которая срочно выехала в Одессу и стала сестрой милосердия. Дни и ночи она проводила в тифозном бараке. По воспоминаниям поэта, первое, что он увидел, открыв глаза после долгого забытья, было склоненное над ним лицо любимой женшины.

После выздоровления А. К. Толстой взял отпуск. Весну и начало лета он провел в путешествии по Крыму вместе с Софьей Андреевной и двоюродным братом, поэтом Владимиром Жемчужниковым (соавтором «Сочинений Козьмы Пруткова»). Это путешествие описано А. К. Толстым в замечательном лирическом цикле «Крымские очерки»:

15

.....Дымяся, огонек Трещит над таганом дорожным, Пасутся кони, и далек Весь мир с его волненьем ложным. Здесь долго б я с тобою мог Мечтать о счастьи невозможном! Но, очи грустно опустив И наклонясь над крутизною, Ты молча смотришь на залив, Окружена зеленой мглою... Скажи, о чем твоя печаль? Не той ли думой ты томима, Что счастье, как морская даль, Бежит от нас неуловимо? Нет, не догнать его уж нам, Но в жизни есть еще отрады; Не для тебя ли по скалам Бегут и брызжут водопады? Не для тебя ль в ночной тени Вчера иветы благоухали? Из синих волн не для тебя ли Восходят солнечные дни?

20 июня 1855 года они уже вновь в Одессе. Вскоре туда приехал другой кузен, художник Лев Жемчужников (он с двумя приятелями награвировал портрет Козьмы Пруткова). Ему было необходимо заручиться их поддержкой в затеянном им рискованном предприятии.

Дело вкратце было таково. Гостя в имении Липовицы (под Киевом) у своего знакомого де Бальмена, Лев Жемчужников влюбился в крепостную девушку Ольгу и задумал жениться на ней. Но на это нужно было согласие владельца сей «души». Положение осложнилось ещё и тем, что хозяин прочил за молодого художника одну из дочерей. На случай, если де Бальмен останется непреклонным, был разработан подробный план соединения влюбленных.

16

12.08.2009 1:43:35

Действительно, де Бальмен, пользующийся в обществе репутацией просвещенного, свободомыслящего человека, обнаружил худшие качества крепостника. Едва Лев Жемчужников заикнулся о вольной для Ольги, тот даже изменился в лице. Предложение художника выкупить девушку за любую цену было с ходу отвергнуто. Хозяева Липовиц стали подчеркнуто надменны, дворня игнорировала молодого человека – вплоть до того, что ему перестали менять постельное белье и кормили прокисшими сливками и зачерствелым хлебом. Отца Ольги обвинили в краже нескольких копен сена и высекли. Этого показалось мало – высекли и Ольгу. Но Лев Жемчужников упорно ждал своего часа, поклявшись довести задуманное предприятие до конца. Он нашел друга и сообщника в лице англичанина – управляющего одним из соседних имений. Наконец, он заявил, что уезжает: де Бальмены всей семьей в этот день также отсутствовали, чем и воспользовались друзья, чтобы похитить Ольгу. Уже на ближайшей станции их остановили. Положение спас англичанин, подорожная которого была выдана на иностранного подданного. Иначе Лев Жемчужников должен был бы ответить по всей строгости закона вплоть до каторги. Беглецы нашли приют в Смалькове, где прожили до осени. Софья Андреевна выправила Ольге паспорт, выдав ее за свою крепостную, что также рассматривалось как уголовное преступление. С этим паспортом девушка уехала в Петербург, где ее ждал Лев Жемчужников, поспешивший туда заранее, чтобы получить у родителей прощение за свое безрассудство.

Следует сказать, что ранее Лев Жемчужников настороженно относился к Софье Андреевне. От своего друга, известного публициста И. С. Аксакова, собиравшегося жениться на сестре Л. Ф. Миллера, он слышал о ней только отрицательные отзывы. Однако, ее горячее участие в столь рискованном деле заставило молодого человека переменить свое мнение на прямо противоположное. Нельзя не признать, что все дей-

ствующие лица этого романтического приключения словно соревновались друг с другом в проявлении душевного благородства.

Прошли годы, прежде чем А. К. Толстой и С. А. Миллер смогли юридически вступить в брак. Из-за затянувшегося бракоразводного процесса это произошло только 3 апреля 1863 года. Они венчались в Дрездене в православной церкви. Несколько ранее — 28 сентября 1861 года — был подписан указ об увольнении поэта с придворной службы. Он получил возможность целиком отдаться творчеству. Жизнь супругов протекала в имениях А. К. Толстого: Пустыньке (под Петербургом), Погорельцах в Полтавской губернии, Красном Роге.

Родственники А. К. Толстого долго не могли примириться с его браком. Против Софьи Андреевны выдвигались обвинения в неискренности, в дурном влиянии на слишком мягкого мужа, которого она, якобы, «отравила неверием». Впрочем, и сама Софья Андреевна не искала компромиссов. По собственному выражению, она любила «царапать нервы». Ее жизненный девиз — «Я ищу, но все подвергаю сомнению» — действительно не вполне совпадал с догматами официального православия, требовавшими кротости и духовного смирения.

Далеко не всем могли нравиться и привычки Софьи Андреевны. Так, в Пустыньке у нее жил ручной медведь; она имела обыкновение читать далеко за полночь, и в это время медведь приходил в ее комнату, ложился на ковер у кровати и требовал ласки и сластей; все это он получал с избытком. Но с гостями медведь не был столь уж безобиден. Его пришлось, заманив в лес, застрелить. От Софьи Андреевны его убийство скрыли

Брак был бездетным, и поэтому супруги взяли на воспитание племянников Софьи Андреевны. Их любимицей была дочь брата Петра Бахметьева, назван-

18

12.08.2009 1:43:35

ная отцом в честь сестры также Софьей (по мужу – Софья Петровна Хитрово). Она оставила наброски воспоминаний (уже упомянутые в начале этого очерка), представляющие большой интерес, прежде всего, как свидетельство «из первых рук». Да и вообще, автор «Князя Серебряного» и его жена редко упоминаются в русской мемуаристике. Любимая племянница описывает атмосферу дома поэта: «Толстой и Софа (домашнее имя Софьи Андреевны — В. Н.) были для меня недостижимым идеалом добра... Я вложила в них все мое доверие, все мое сердце, все мои идеалы, помимо них ничего не могло существовать для меня. Иногда характер Толстого, нервный и вспыльчивый, пугал меня... Но стоило Софе словом отмахнуть от него наплыв ежедневных дрязг и осветить своим всепонимающим умом его растревоженную душу, и он возвращался с молодыми чистыми силами. Страдание, зло, боли, печали не имели власти над бодростью и чистотой его духа... Толстой очень желал развить в нас самостоятельность и трудолюбие, и хотя с нами об этом не говорил, но я часто чувствовала, что Толстой желал внести какую-то систему в нашем воспитании, а Софа была против этого и хотела, чтобы в нас, главным образом, развивались силы душевные и воображение; она верила в несравненное могущество фантазии и воображения, и душевные, сердечные силы человека, то есть щедрость, сочувствие к другим, забвением себя и всегда присущее желание помочь и утешить были для нее главными причинами бытия и единственным долгом всякого человека». Сама С. П. Хитрово стала живым примером того, какие замечательные плоды способна принести подобная педагогическая методика (при внешнем отсутствии ее). Это была широко образованная женщина, с твердым характером, но одновременно мягкая и отзывчивая.

Зиму 1867 года в связи с подготовкой в Александрийском театре премьеры «Смерти Иоанна Грозно-

го» Толстые провели в Петербурге. На Гагаринской набережной был снят дом, и он быстро стал одним из центров художественной жизни столицы. Боткин писал Фету, что это единственное место в Петербурге, где поэзия воспринимается не как нечто бессмысленное, дикое, а, совсем наоборот, составляет главный предмет разговоров. Гостями толстовского дома были Гончаров, Майков, Тютчев. Тургенев, композитор Серов. Остроумный, добродушный хозяин славился умением объединять даже, казалось бы, совершенно разных людей. Напротив, Софья Андреевна при первой встрече всегда была сдержанна, даже суховата; она как бы прощупывала нового знакомого. Но даже если и возникала неловкость, А. К. Толстой умел ее быстро сгладить.

Начиная со следующего, 1868 года, постоянным местом пребывания Толстых становится Красный Рог. Впервые Софья Андреевна была там в середине 1850-х годов. Центром усадьбы был «растреллиевский замок», деревянный дворец, построенный, как говорит предание, по чертежам знаменитого зодчего. Как уже сказано, это был «охотничий дом» гетмана К. Г. Разумовского. Чудом уцелел в огне войны флигель, куда А. К. Толстой любил уединяться для творческих трудов. Отпрыск (по матери он из Разумовских) бурно сверкнувшего, но уже в следующем поколении оскудевшего некогда вольнолюбивого казачьего рода, поэт, отличавшийся острым чувством истории, был привязан к своей усадьбе. Интересна легенда, объясняющая ее название. По этой легенде, здесь, где некогда пролегала граница Руси и Речи Посполитой, произошла жестокая сеча между русскими и поляками, и река Рог, на которой стоит усадьба, стала красной от крови.

Об образе жизни в Красном Роге можно судить по воспоминаниям Фета, посетившего собрата по музам. Он пишет: «Трудно было выбирать между беседами графа в его кабинете, где, говоря о самых серьезных

20

предметах, он умел вдруг озарить беседу неожиданностью «а ля» Прутков, – и салоном, где графиня умела оживить свой чайный стол каким-нибудь тонким замечанием о старинном живописце или каком-либо историческом лице, или, подойдя к роялю, мастерскою игрою и пением заставить слушателя задышать лучшею жизнью.». Однако, от опытного помещичьего глаза Фета не укрылась масса «странностей» в ведении хозяйства. Так он поразился обилию стогов сена на полях. Ему объяснили, что сено накапливают в течение двух-трех лет, а затем за неимением места сжигают. Фет саркастически отметил, что подобного хозяйственнного метода он не понимает и никогда не поймет. Вообще, о доброте и бессеребренничестве владельцев Красного Рога создавались легенды. К примеру, однажды крестьяне попросили у А. К. Толстого дров на зиму, и он, не задумываясь, предложил им вырубить липовую рощу неподалеку от усадьбы; это было немедленно исполнено.

Ничего подобного Фет одобрить не мог. Тем не менее, он полагал себя счастливым, что ему довелось в жизни встретить такого прекрасного, рыцарски благородного человека как А. К. Толстой. В свою очередь, и последний гордился дружбой с Фетом. А. К. Толстой писал ему: «...Не думаю, чтобы во всей России нашелся кто-либо, кто бы оценил Вас, как я и моя жена. Мы намедни считали, кто из современных иностранных и русских писателей останется и кто забудется. Первых оказалось немного, но когда было произнесено Ваше имя, мы в один голос закричали: «Останется, останется навсегда!..»

После смерти А. К. Толстого Фет сохранил добрые отношения с Софьей Андреевной. Старый поэт посвятил ей стихи, навеянные, быть может, воспоминаниями о Красном Роге:

Где средь иного поколенья Нам мир так пуст,

Ловлю усмешку утомленья Я ваших уст.

Мне все сдается: миновали Восторги роз, Цветы последние увяли, Побил мороз.

И бездыханна, бесприветна Тропа и там. Где что-то бледное заметно По бороздам.

Но знаю, в воздухе нагретом, Вот здесь со мной. Цветы задышат прежним летом И резедой.

28 сентября 1875 года Софья Андреевна овдовела. А. К. Толстой был человеком богатырского телосложения, большой физической силы, но, в данном случае, «внешность не соответствовала сути». Он постоянно болел, всю жизнь его преследовали мучительные головные боли. Почти каждое лето он был вынужден ездить за границу на курорты. Поэт скончался в Красном Роге всего лишь на 57 году жизни.

Похоронив мужа, вдова покинула усадьбу и перебралась в Петербург. Многочисленные друзья покойного поэта остались и ее друзьями. В литературных кругах она пользовалась репутацией женщины исключительно умной и образованной. Мнение современников можно подытожить словами дочери Ф. М. Достоевского Любови Федоровны: «Графиня относилась к числу тех женщин-вдохновительниц, которые, не будучи сами творческими натурами, умеют, однако, внушать писателям прекрасные замыслы». Софья Андреевна сумела быстро окружить себя представителями творческого мира. Она привлекала исключительно умом, сердечностью, тактом, ибо,

как уже сказано, красотой и кокетством никогда не отличалась, а в этот период была постоянно одета в черное с обязательной вдовьей вуалью на седых волосах. Став домоседкой, она почти не выезжала; после четырех часов ее всегда можно было найти в ее одинокой обители. В числе самых близких ее знакомых и самых постоянных посетителей ее салона были Ф. М. Достоевский и молодой философ Вл. С. Соловьев.

Знакомство Ф. М. Достоевского с Софьей Андреевной относится, по-видимому, еще к 1863 году. Проигравшийся в пух и прах в немецких казино русский писатель лихорадочно искал, кто бы из соотечественников смог бы ему ссудить денег. А. К. Толстой был одним из тех, кто пришел Достоевскому на помощь. Он и Софья Андреевна тогда после свадьбы обосновались в Дрездене, куда к ним, вероятно, и приезжал неудачливый игрок. Вновь встретившись через много лет с уже знаменитым автором «Преступления и наказания» и «Бесов», Софья Андреевна поспешила привлечь его к себе. Постепенно у Достоевского выработалась привычка заходить к ней во время своих ежедневных прогулок. Именно благодаря Достоевскому ее салон быстро вошел в моду. Одна из современниц вспоминает, что если в рассылаемых приглашениях на вечер Софья Андреевна писала, что обещал быть Достоевский, это заранее означало, что гостей будет невпроворот.

Достоевского привлекало, что у Софьи Андреевны, постоянно много читавшей на всех европейских языках, всегда можно было узнать последние литературные и художественные новости. Сам он, перегруженный работой над «Дневником писателя» и «Братьями Карамазовыми», был лишен такой возможности. Но Достоевский обладал сложным характером; каким он являлся на вечерах Софьи Андреевны, можно судить по воспоминаниям его дочери: «Достоевский не был светским человеком и совсем

не старался казаться любезным людям, которые ему не нравились. Если он встречал людей доброжелательных, чистые и благородные души, он был настолько мил с ними, что они никогда не могли забыть его и даже через двадцать лет после его смерти повторяли слова, сказанные им Достоевским. Когда же перед отцом оказывался один из снобов, которыми были полны петербургские салоны, он упорно молчал. Напрасно старалась тогда графиня Толстая прервать его молчание, искусно задавая ему вопросы; отец отвечал рассеянное «да», «нет» и продолжал рассматривать сноба как удивительное и вредное насекомое. Подобной нетерпимостью отец нажил себе множество врагов, что его обычно мало беспокоило. Это высокомерие Достоевского находилось в поразительном противоречии с изысканной вежливостью, восхитительной любезностью, с которой отец отвечал на письма своих почитателей из провинции. Достоевский знал, что все его мысли, его советы принимались с благоговением этими сельскими врачами, учительницами народных школ и священниками из маленьких приходов, в то время как петербургские фаты интересовались им только потому, что он был в моде».

Правдивость приведенного отрывка подтверждает такой авторитетный свидетель как Н. С. Лесков. В очерке «О куфельном мужике и проч.», написанном под впечатлением «Смерти Ивана Ильича» Л. И. Толстого, он вспоминает, что Достоевский на вечерах у графини Толстой то неприступно и тягостно молчал, то на него находило и он «вещал». На вопрос некой барышни У-вой – как жить? – он посоветовал ей взять уроки христианского смирения у «куфельного мужика». (Подражая выговору прислуги, Достоевский выразился «куфельный» вместо «кухонный»). То, что это был призыв в пустоту, следует уже из ответа У-вой, предложившей писателю, в свою очередь, поучиться у «куфельного» мужика вежливости. Надо иметь в

24

виду, что взаимоотношения Лескова и Достоевского были прохладными, чем и объясняется саркастический оттенок этого беглого наброска.

Посетитель последней квартиры Достоевского в Петербурге (ныне - музей) обязательно обратит внимание на большую фотокопию «Сикстинской Мадонны» Рафаэля, висящую над его письменным столом. «Сикстинская Мадонна» была любимейшей картиной Достоевского. Приобрести ее фотографию, всегда иметь ее перед глазами было заветнейшей мечтой великого писателя. Во время поездок за границу он тщетно искал такую копию. Безрезультатны были поиски и в петербургских магазинах. Достоевский как-то обмолвился об этом Софье Андреевне и, конечно, забыл разговор; но Софья Андреевна сразу же обратилась к своим многочисленным иностранным друзьям. Уже через три недели великолепная фотография Мадонны с младенцем (центральной части творения Рафаэля) была получена. По поручению Софьи Андреевны Вл. Соловьев отвез ее на квартиру писателя. С просьбой принять на «добрую память». Достоевского дома не было; семейные решили временно сохранить тайну. Действительно, фотографию надлежало вставить под стекло, найти раму. Только после этого можно было бы поднести её Достоевскому, но уже как подарок ко дню рождения - через несколько дней. Вл. Соловьев одобрил план. К счастью, все задуманное удалось исполнить в срок. 30 октября 1879 года (ему исполнилось в этот день 58 лет) Достоевский был тронут буквально до слез столь замечательным даром. Писатель был растроган тем, что его потаенное желание нашло мгновенный отклик у Софьи Андреевны. Она снова доказала свои замечательные человеческие качества.

В дни пушкинских торжеств, когда прижизненная слава Достоевского достигла апогея, Софья Андреевна от своего имени и от имени Вл. Соловьева послала

ему телеграмму: «Радуемся за все... Примите от нас более чем слова...» Достоевского ответил ей длинным письмом с детальным описанием празднеств. Он благодарил за теплый привет, вызвавший в его душе встречный отклик. Достоевский писал Софье Андреевне: «Почувствуешь, что имеешь таких добрых друзей, и светло становится на сердце».

Свой вклад Софья Андреевна внесла в разгадку «тайны Лермонтова». Предмет страстной любви поэта В.Лопухина вышла замуж за брата ее отца и стала также Бахметьевой. В детстве девочка была очень близка со своей новой родственницей; фактически она стала ее воспитанницей. Софи оказалась поверенной сердечных тайн своей старшей подруги. Первый биограф Лермонтова П. А. Висковатов обратился к ней за разъяснениями относительно романа поэта. Он писал в письме: «Впервые начал об этом догадываться я – и потом своим догадкам нашел подтверждение в сообщениях графини Толстой, супруги поэта Ал. Конст. Толстого. Я познакомился с нею в Берлине в 1870 или 1871 году, но только в восьмидесятых уже годах в Петербурге, раз после моей публичной лекции, она рассказала мне подробности, впрочем, без упоминания имен». Что именно рассказала Софья Андреевна Висковатову – неизвестно, но очевидно, что без ее рассказа биография Лермонтова (где и сегодня много неясного) осталась бы еще более закрытой.

Старость подступала неумолимо. Софья Андреевна пыталась бороться с беспощадным временем, которое разрушает человека не только физически, но и духовно. Последнее было тягостнее всего; Софья Андреевна и в преклонных годах сохранила жгучий интерес к искусству, поэзии, философским проблемам. Критик Н. Н. Страхов писал Л. Н. Толстому, что постоянно встречает ее в Публичной библиотеке. Дамы в то время не имели привычки посещать подобные учреждения.

Кривой Рог, гостиная

На закате жизни судьба подарила пятидесятилетней вдове знаменитого поэта дружбу с тогда двадцатипятилетним Вл. Соловьевым. (Имя этого философа уже упомянуто выше). Начало дружбы относится к середине 1876 года.

Бездомный философ постоянно жил в петербургской квартире Софьи Андреевны, часто бывал и в Пустыньке и в Красном Роге. Впервые он приехал в Красный Рог на два дня (13—14 июня 1877 года) по пути в район боевых действий Русско-турецкой войны как корреспондент «Московских ведомостей». В это время там гостил французский литератор де Вогюэ, ранее встречавший Вл. Соловьева в Каире. Он вспоминает: «...Я... нашел философа в домишке в глубине Черниговских лесов. Он проводил ночи, допрашивая вращающиеся столы о событиях... войны.... Он выходил после ночного сеанса, еще более бледный, чем обычно, направляющийся в сторону леса: фантастический силуэт, опирающийся на длинную трость, терялся между белых берез в наступающем рассвете: и долго из лесу слышался его

27

12.08.2009 1:43:36

пронзительный смех, напоминающий крик осла... Он... искал четвертое измерение и замышлял большой труд, где пытался доказать, что Божественное начало есть начало женское...» Как видим, обитателей Красного Рога не миновало модное увлечение спиритизмом. Оно было внесено туда покойным поэтом, романтическую натуру которого влекло все таинственное. Софья Андреевна сдержанно относилась к «оккультическим крайностям» мужа, но в это время вся атмосфера Красного Рога была полна памятью о нем, чем и объясняется постановка «магнетических опытов».

Де Вогюэ далее продолжает: «...Утром мы отправляли в Данубу военного корреспондента от московской газеты... Мы спросили Владимира Сергеевича, владеет ли он всем необходимым, чтобы вступить в штаб: вещь, конечно, затруднительная для корреспондентов журналов. Он сознался, что не имеет никаких документов и не думал об этом; но что он достал себе револьвер. У дверей вагона он продолжал смеяться своим детским смехом и махал одной рукой с огромным букетом роз; в другой руке у него был большой револьвер, который он взял с такой неловкостью, что становилось страшно только за него; машина, странная между пальцами неземного существа, не способного причинить зла даже мухе. Он погружался в мечты, философствуя, декламируя стихи... Человек – животное странное, а русский человек – животное странное вдвойне».

Вскоре Софья Андреевна последовала за своим молодым другом. Она вспомнила патриотический подъем, охвативший Россию в эпоху Крымской войны, свою поездку в Одессу к будущему мужу, лежащему в тифозном бараке. Прямо из Красного Рога Софья Андреевна отправилась в Яссы, где провела зиму 1877—78 годов, работая в госпиталях. На этот раз она сама заразилась тифом и оказалась на грани смерти. С. П. Хитрово срочно выехала в Яссы и при-

везла ее, к счастью, уже выздоравливающую домой в Красный Рог.

Но надо сказать, что молодого философа влекла в Красный Рог не только дружба с Софьей Андреевной. У нее была счастливая соперница в лице племянницы, которой суждено было стать предметом долголетней любви Вл. Соловьева. Эту любовь он пронес через всю жизнь. К С. П. Хитрово обращено большинство его стихотворений, где она — одухотворенное воплощение «Божественной Софии», «Вечной Женственности». На данных страницах нет смысла подробно расшифровывать эти термины, центральные в философском учении Вл. Соловьева. Может быть, понять их помогут следующие его стихи:

Заранее над смертью торжествуя И цепь времен любовью одолев, Подруга вечная, тебя не назову я, Но ты почуешь трепетный напев...

Не веруя обманчивому миру, Под грубою корою вещества, Я осязал нетленную порфиру И узнавал сиянье Божества...

Умная и даровитая С. П. Хитрово, конечно, в очень большой степени соответствовала идеалу Вл. Соловьева. Но, будучи, прежде всего, земной женщиной, она, овдовев (в 1896 году), не решилась связать с ним свою судьбу, мотивируя тем, что в ее возрасте необходимо уже думать не о себе, а о внуках. Вот ее выразительный портрет, вылившийся из-под пера другого выдающегося русского мыслителя К. Н. Леонтьева: в С. П Хитрово были «соединены изумительно лейб-гусарский юнкер и английская леди, мать и супруга, японское полудетское личико и царственная поступь, злость и самая милая грация, восхитительное косноязычие и ясный твердый ум». Следует иметь в виду, что не последнюю роль в за-

29

рождении глубокой привязанности Вл. Соловьева к обеим женщинам (старой и молодой) сыграли их имена (София — по-гречески «мудрость»). Вл. Соловьев придавал большое значение жизненной символике, так как был твердо уверен, что ничего случайного в мире нет.

Последние годы жизни Софья Андреевна ограничила себя семейным кругом. Старые друзья — среди них Достоевский, Тургенев — один за другим сходили в могилу. Наступившие 1880-е годы стали глухими годами для русской литературы. Эпигоны Надсона задавали тон в поэзии. Вл. Соловьев казался странником, бредущим по бескрайней пустыне. Его одинокий голос не находил отклика; он был обращен к поколению, вступившему на творческую стезю только накануне нового века.

Зиму Софья Андреевна обыкновенно проводила в Петербурге или Москве, лето — в Красном Роге. Она ежедневно ходила на могилу мужа. В деревне на ее средства была открыта школа, оборудован фельдшерский пункт, содержалась аптека, где лекарства раздавались крестьянам бесплатно. На окраине была построена целая улица, состоящая из изб для так называемых пенсионеров. Это были, большей частью, иностранцы, вывезенные А. К. Толстым из-за рубежа и служившие в усадьбе садовниками, гувернерами, кондитерами и т. д.

Софья Андреевна пережила своего мужа на семнадцать лет. Она умерла в 1892 году вдали от родины — в Португалии, где она гостила у С. П. Хитрово, муж которой занимал в этой стране дипломатический пост. Гроб с ее телом был перевезен в Красный Рог и помещен в склепе рядом с гробом А.К. Толстого. Такова была их обоюдная воля.

Каков итог ее жизни? Сбылось ли предсказание Серафима Саровского? Бесспорно одно: эта жен-

щина принадлежала к тем людям, о которых, перефразируя стихи Жуковского, не следует говорить с тоской: их нет; но с благодарностью произнести: они были.

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ Библиотека альманаха "СЛОВЕСНОСТЬ"

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ НОВИКОВ Хозяйка Красного Рога или Sofia II

книга-исследование

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов Корректура авторская

Бумага офсетная Гарнитура Calibri Тираж 100 экземпляров. Сдано в набор 04.08.2009 Подписано в печать 2009

Издательство и типография «Вест-Консалтинг» 109193, г. Москва, Большой Знаменский переулок, д. 2, стр. 3, офис 333. тел./факс (495) 697

